

Выстрелы Слипенчука

Виктор Слипенчук.

**Зной. Ты любишь солнце?
Земляника: рассказы**

// Дон. – 2022. – № 7–9.

Три рассказа — три небольших текста: полных плотной жизни, плотно организованных; словно три выстрела в сердце смерти, ибо какой ещё вариант у тленного человека победить её, кроме как раствориться в тексте, создавая альтернативную реальность, не подверженную тленности...

Три рассказа В. Слипенчука, опубликованные в журнале «Дон», исполнены щедрого реализма: когда каждая деталь должна быть выделена словом и вписана в панораму повествования так, чтобы укрепить её...

Взгляд Слипенчука — цепок, манера построения текста даёт ощущение жаркой любви к жизни — какая бы ни была, сколько бы каверз судьбы ни предполагала.

«Зной» начинается так: «Позвякивая цепью, Джек рыл прохладную ямку возле летней кухни. Его обвисшие разъеденные мухами уши кровоточили. Джек клацал зубами. Солнце падало прямо во двор. Жар проникал даже в тень. Вода в ковше, сверкая на солнце, ослепляла меня».

Кладутся сияющие мазки словесной живописи: абзац словно распахивает дверь, предлагая войти в него, и одновременно даёт портрет собаки и описание места, где произойдёт действие.

Всё выписано великолепно. Дальше разворачивается экзистенция жизни, обжигает онтология её, и ветер свершившегося, жёстко и жестоко играя изломами бытия, продувает читательскую душу.

То, как круто заваривается сюжет, в основе которого, казалось бы, пустяк жизни, поражает: брат рассказчика неосторожно выплёскивает воду из тазика в лицо подхавшему на параконке отцу; и тот, явно отличаясь крутым нравом, взъярённый, хватая палку (вот же она, можно ощутить!) и начинает лупить опростоволосившегося случайно брата...

Заводящий себя отец лют: нравы, очевидно не нынешнего времени, плещут кровью эмоций. Отец бьёт Кольку. Крошечный повествователь, в сознании

которого складывается рассказ, спрятавшись за летней кухней, наблюдает. Отец ярится пуще и пуще. Вмешивается мать, стремясь охолодеть отца, Джек рвётся с поводка, лошади, не выдерживая, обрывают повод и мчатся к колхозной конюшне... Отец скрывается в сарае.

Выходит оттуда постаревшим.

Марево зноя, заливающее мозг, словно провоцирует на неоправданную жестокость.

(У Камю в «Постороннем» — произвольная ассоциация — избыточная жара вообще спровоцировала убийство.)

Рассказ «Зной» имеет множество планов, в том числе повествует и о неизбежности зла, заложенного в человеке: его в узде надо держать, отец не смог, произвольно показывая детям, какой неистовой бывает жизнь и как трудно в ней. Трудно. Вязко. Как в словах жуткого зноя.

Но — катарсис, вложенный в сердце рассказа, очевиден: ведь жизнь продолжается...

И даже Джек повизгивает, почти счастливый.

Солнце как символ жизни: волшебный шар немислимой силы и благосклонности к человеку; шар, чьей огромной души не постичь (со своей бы разобратсья!).

Второй рассказ называется «Ты любишь солнце?» — и люди в нём показаны на фоне природного изобилия тайги: и язык снова густ, живописен, с крепко лежащими мазками своеродно организованных фраз.

«Я развязал рюкзак и достал полную кепку кишмиша. Она взяла кепку, а я сел и стал завязывать шнурки из сырой кожи».

Огоньки поэтических аллюзий вспыхивают в недрах фраз: а кажется — поэтических строк.

Писатель ткёт прозаическую ткань именно поэтично, и максимальная выразительность рассказанного отражается в читательской душе.

Молодой человек (...мальчик?) подсаживает дорогу девушке, но цель, манящая её, кажется странной — она идёт в заброшенную деревню, где никто не живёт, — что ей там надо?

Кишмиш, на мгновение становящийся персонажем, терпко вспыхивает вкусовыми ощущениями.

Глубь тайги, таящая столько чреватого, хоть и драгоценного, рисуется фоном: вдруг разворачивающимся страхом в сознании персонажа — а если девушка не дойдёт? Забудется? Девушка, спросившая — Ты любишь солнце?

Кто ж не любит шар, дарящий жизнь?

И мужской персонаж рассказа следует за девушкой, переживая, волнуясь; и расцветает необыкновенностью пейзаж:

«К ручью я вышел ночью. Огромная красная луна, слов-

но только что вынесенная из кузницы, лежала между двух сопков и очень была похожа на планету, на которую ходят пешком».

Юношеское восприятие поражает (тень Платонова, предпочитавшего алогичные корневые решения фраз, мелькает, кажется... Притом что, разумеется, стиль Слипенчука абсолютно самостоятелен). Словно рождающееся чувство влюблённости вибрирует в воздухе рассказа...

Как оказывается, девушка — художница или готовится ею стать; она идёт в заброшенную деревню рисовать луну, хотя любит солнце.

«Я люблю луну», — скажет девушка, когда уже очевидно проявятся блокнот и краски.

Рассказ кинематографичен: он словно просится стать поэтической короткометражкой с точно выверенными и красиво исполненными кадрами — задумчивыми, метафизическими.

Метафизика полнит тексты Слипенчука: ничего не разжёвывая, писатель многое оставляет за бортом повествования, уводя в подтекст, чтобы общий текст прозвучал глубже, объёмнее.

Кадры фразы запечатлеваются в сознание с плавностью и резкостью: многое совмещается в полях густой прозы:

«Мы замолчали, и вокруг такая тишина появилась, что даже слышно стало, как лунные лучи позванивают, скатываясь с листьев».

Снова торжественно работает аллитерация, снова поэтическая мистерия вовлекает в себя читателя.

И солнце, и луна равно нуждаются в людской любви — как и сердца людей, не способных обойтись без главного чувства.

О любви рассказ, о таинственной силе, вечно работающей в недрах человеческого, глобального общежития, и светлота его, и романтическая приподнятость — при сохранении реалистических красок — завораживают.

«Земляника» — третий рассказ.

Земляника, поиск которой в природных условиях даст столь страшные картины жизни, не позабудешь (никакой Босх, если предположить, что подростки мальчишки когда-нибудь увидят его, не сравнятся...).

Двое друзей, отправившиеся на сопки за земляникой — славной, сладкой ягодой, обещающей лакомство.

Что ягода обманет — не предположить.

Мальчишки ночуют у бабки, мальчишки покинули деревню, охарактеризованную прочно и точно:

«Лунза — это таёжная девушка. Она живёт у подножия двух сходящихся сопков и имеет свою речку. Лунза живёт тихо».

Можно зайти сквозь широкую дверь-страницу в деревушку, где «сейчас по дну речки прыгает тоненький родник»...

Тонкий, упругий, хрустальный персонаж, одушевлённый писателем.

И мальчишки отправляются в путь, не ведая, чем он завершится.

Метафора жизни разворачивается широко, и выписывается она плотной и одновременно простой словесной вязью.

Ночлег у незнакомой бабки станет богато прописанной сценой: домовитость и простота, утренняя яичница, нелепая — для мальчишек — водка, выставленная бабкой, что останется нетронутой, конечно — рано им!

И — пенькообразная сопка (алмазный высверк эпитета!) Китайская крепость возникнет в великолепии дремучести и более свободного пространства; а южная сторона, что и интересует ребят своей земляникой, окажется полна ягоды и... черепов.

Да, сначала будет густь крупных ягод: десять штук и полный стакан, потом... появятся черепа. Кладбище? Краткие фразы, характеризующие жуть, отдают потусторонним: «Человеческие черепа лежали в траве наполовину в земле. Земляника не могла скрыть их костяного сияния зубов».

Больше не интересны ягоды — они кажутся кровью. Их сок не сладок. Жизнь разворачивается экзистенциальной панорамой (средневековая пляска смерти мелькнет в читательском мозгу — коли подразумеваются культурные ассоциации).

Мальчишки потрясены. Они сжигают карту местности, начертанную одному из них собирателем женьшеня. Глядят на родник — прыгающий и весёлый.

— Какая нормальная жизнь! — замечает один из них, завидуя свободной воде.

Ребята соприкасаются с контрастом бытия, который запомнится на всё последующее путешествие сквозь года.

Рассказы В. Слипенчука строятся на контрастах: любовь к жизни, пропитывающая их, не убывает, но писатель, прекрасно зная, как бывает, показывает изнаночные стороны, теневые — так, что процесс бытования на земле, в этом вечном вращении юлы юдоли, даётся объёмно. Никакой безнадёжности. Отчаяния. Вернее, они есть — но право жить столь великий дар, что оправдывает все её каверзы с лихвою.

И к рассказам писателя хочется вернуться, перечитывать их, смакуя живописные подробности и пропитываясь беспрецедентным опытом, который щедро дарит Слипенчук своими произведениями.

Александр Балтин